

Собаки моего сердца

Легализация живодерства — это процесс, и развязка его неочевидна. За утоплением Муму последовал уход Герасима от барыни и ее смерть

Сибирские лайки. Байкал. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

12:34, 6 мая 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

Этот текст вышел во втором номере журнала «Новое обозрение».

Депутаты хотят разрешить убивать бездомных собак. Мы знаем благодаря Линчу, что совы не то, чем кажутся. А собаки?

Две истории — первая от моего друга, во второй сам был участником и свидетелем.

Предательство и месть

— Байкал, метеостанция, мыс Покойники, а дальше, в 30–40 километрах, Заворотная (бухта и маленький поселок), там в СССР добывали микрокварцит (первое в мире месторождение). И один охотник — никудышный — подранка упустил. Изюбря. А лайка пошла за ним. Хорошая собака, преданная хозяину. Догнала изюбря и цепляла его за ноги. Для лайки сложнее было преследовать; олень создан, чтоб выживать в таких снегах и бежать по ним. Лайка — уже на последнем дыхании, только

ради своего хозяина. Почти издохшая вцепилась в ногу и повалила изюбря. И в это время выходит шатун, представляешь? На его счастье. Урожая не было — ни ягод, ни шишек. Впрочем, как потом выяснили, этот мишка подранен был еще за два года до этого, в общем, и без того спать не мог улечься.

Лайка отпускает ногу изюбря, и тот — у него уникальное строение, он так может — поднимается и убегает. Собака остается, уставшая до смерти и наедине с медведем. А охотник этот, егерь, подошел уже и видел это все, от него и знаем подробности. Лайка поднимает две лапы и чешет медведю морду. Медведь охренел. Она, может, защищаться пыталась, но сил уже не было и, лежа в снегу, лапами — по морде медведя. То ли гладит его, то ли пытается отбиться. Тот сел в оторопи, на нее смотрит. Может, и замочил бы ее. Или отпустил. Неизвестно. Но появился мужик с ружьем. И медведь лайку долбанул сразу, кишки вывалились. Егерь видел, как тот распорол ей брюхо и сел на нее. Ну а он сам, егерь, испугался — так и сказал. Признался, когда пьяный был. Покатился к Байкалу с этого склона, ружье потерял.

Байкал. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В Заворотах ничего не было, никакой скотины. Даже на Покойниках ничего не было. Две коровы одно время. А в Заме (деревня и луговая долина) животины были. И вот спустя три года после этих событий волки вдруг принялись резать скот. Начали их ловить — ага. Выяснили лишь, что стая из четырех волков. Точнее, так: из трех волков, четвертая — собака, и она — вожак. Волк не будет ходить по чужой тропе. Не только по человеческой, но и по звериной не пойдет — рядом. А тут на тропе четкий собачий след. А рядом — следы волков. Они тропу перепрыгивали и шли немного левей или правей собаки.

Ну да, понимаешь? Лайка та выжила. Но мужик-то ничего тогда не сделал, не вернулся за ней, бросил ее. И собака не простила

человеку.

А до этого убили волчицу там — за волчьи лапы платили по 200 рублей. Волчат не тронули, их и искать не стали. И северных оленей, кстати, тогда же перебили. План надо было сдавать — с вертолетов били, чтоб загрузить Улан-Удинский комбинат. Говорили: это учеты. Нет, они просто всех на Хамар-Дабане оленей перехерачили. Ну это мы отклоняемся. Лайка та выжила, звали ее Дружкой. И, видимо, с волчатами теми осиротевшими и стали одной семьей они. И пошли мстить.

Она след свой оставляла как будто специально. Но это я так думаю.

Что делать, выход один оставался у местных — красные флажки. И волков тех трех убили, а собака ушла. Она-то флажков не боялась, она про них все знала, а эти ее воспитанники так и не смогли. Ты повесь фиолетовые ленты, пометь желтым, синим — так же будут волки шугаться, просто человеку надо кровь, и он метит красным все.

Убили волка. Фото: ГУ МВД Красноярского края

...Проходит время. Трапезников, был такой и есть, слава богу, человек, — в 70-х он, главный механик Иркутского завода радиоприемников, на все плюнул, уехал в верховья Лены и остался в Чанчуре (крохотная, недоступная без проводника деревня, от тех мест, от Замы, недалеко — по прямой по карте 53 км). Это тот самый, к кому подходил Распутин Валентин Григорьевич, а он косит траву. «Можно с вами поговорить?» — «Ты заходи попозже, будет время, так уделю». (Распутин потом снова и снова туда приезжал, это он написал: «Если можно сказать, что остались на свете еще райские уголки, то один из них — Чанчур».)

Летчик-испытатель Тюрюмин там родился, Герой Советского Союза, еще что-то случилось... Трапезников определил исток Лены, часовню там поставил, пасхальный ход делали.

И вот я добрался до него, и он мне рассказывает — я и присел, где стоял. Два года с таким он воевал с волчарой одним. И материт его — а ведь хорошо относится к природе. Гад такой, мол. Азарт у человека уже — он мне вызов бросил! Чего только не делал, чтобы изловить его, часами вываривал капканы в кедровой хвое, чтобы напрочь отбить запах железа.

На второй год волчара перестал мочиться в его капканы, начал в них срать, показывая свое презрение. А на третий год происходит вот что.

Конец апреля, лед вот-вот должен подтаять, но пока его покрывает вода, стекающая с южных склонов гор. То есть сантиметров 20 воды, а под ней лед. И Трапезников туда — под воду, на лед — положил капкан, выправил. И попался-таки волчара.

Спускаюсь с горы, рассказывает, на Чанчуре и вижу пять или шесть, не помню, волков и в центре — мой. Волчара. В капкане. Да еще и двумя лапами — это вообще удивительно, чтобы волк так попал. Он бы, может, и отгрыз лапы. Но тут спустился Трапезников. Волчара буркнул своим, чтобы уходили. Те нехотя, но — приказ получен — ушли.

И ты представляешь, говорит, подхожу к нему с ружьем, довольный, а он даже не смотрит на меня. И только когда взвел курок, он повернулся ко мне мордой и в глазах его прочитал: твоя взяла, кончай меня.

А почему ты его убил, спрашиваю. Нет, он не собирался больше жить, — как-то так он мне сказал, и все на этом.

На этом — конец рассказу моего товарища и строгим фактам. Потому что закрученный в колечко хвост того волка еще ни о чем не говорит. Да, это отличительный признак гибрида волка и лайки, у такого волкособа даже отдельное имя есть — волэнд. Но ни мой товарищ, ни я своими глазами того волчару не видели. И потом, где доказательство, что он сын той самой Дружбы?

Убитый волк. Фото: ГУ МВД по Красноярскому краю

Мертвые туши

Собака — не друг человека. Наше Альтер эго. Или даже душа человека. Не моя мысль, еще у классиков собака — метафора и человека, и его души. Все так: лучшее в нас — не мозги, не руки, достаточно посмотреть на то, что нас окружает, что мы напридумывали и наделали.

А душу не описать, но любимая собака, тыкающаяся мокрым носом в твои ладони (вот они нам для чего), дает некоторое представление нам о нас. Какие мы на самом деле.

Если помнить об этом, получается, нам разрешат поэкспериментировать. Ждали то зари коммунизма, то полетов на Марс, а дождались легализации живодерства и расставания с душой, потери человечности — все идет к тому. Те самые наши классики, так любящие оксюмороны (соединения несоединимого) в своих заглавиях — «мертвые души», например, — про нас, видимо, написали бы «мертвые туши» (тавтологию в названиях они тоже любили — «бедные люди»).

В жизни собаки то и дело оказываются человечней людей. И детям, и старикам, и мужчинам, и женщинам, и не только одиноким, во многих вполне благополучных семьях собака — самый близкий и желанный родственник. И не потому, что остальная родня плоха, а потому, что — душа твоя, самое близкое, что вообще тут есть.

Это горько и это показательно, что наши собаки умирают при нашей жизни. Погорюешь, и живешь дальше.

Церковь отказывает в душе животным категорично, но вряд ли я с кем-то еще чувствовал такое родство, такую нутряную, всеми фибрами связь.

Ну да. Душа — христианка, а они — языческие животные. С их выразительными молящими, предупреждающими, устрашающими глазами. С их предчувствием того, что грянет.

Тоже не мной замечено — давно. И абсолютно точно: собака и хозяин похожи. То ли они подбирают друг друга, то ли преобразаются так в процессе. Детям, чтобы скопировать родителей, требуется повзрослеть и начать стариться, а псы — почти сразу.

Не знаю, как это работает. Ну вот пример. Безумие заразно, и его мир выделяет особо, чтобы все сразу видели — как красоту и прочие опасные штуки. У нас такая пара в соседнем дворе жила. Седой, кудрявый, корпулентный дурак, и выглядел он вполне по-дурацки — в капитанской фуражке, летом и зимой в этой неизменной грязной фуражке с шитьем по козырьку — двумя дубовыми ветками, с ложным подбородным ремнем — двумя шнурами, вышитыми золотой канителью, с двумя якорями на кокарде. И немецкая овчарка. Она рехнулась с ним сразу, как он ее завел, щенком. Это было видно на расстоянии. Боров с бугристым рылом и шаровидным брюхом — и на толстой веревке с многократными узлами, перетянутыми сверху алюминиевой проволокой, вздорный пес — тощий поначалу (но и тогда от нездоровья выглядящий тяжелым во всех смыслах), потом тоже раздался. Их морды нисколько не отражали внутренней их сути, в глазах читалась лишь изможденность и еще что-то, неясное; выдавала безумие абсолютная раскованность в движениях, ограниченная только толщиной тел.

Они продержались долго, лет восемь. Однажды овчарка вновь разорвала веревки, тряпки, проволоку, узлы, ее застрелили, и капитан исчез.

Собаки и люди похожи, как люди и их религии, в собаках очень много схожего с нашими верованиями, и это не только от нас исходит, собаки — извне, и в религиях не только людское, это и помощь нам, и утешение со стороны.

Душа или не душа, но самая тоска — когда наоборот, когда

собака переживает человека. Хрестоматийный Хатико. История Юрия Роста из аэропорта Внуково об [овчарке Пальме](#) — не о смерти, о предательстве человека. Благо, та собака с порванным ухом смогла сойтись с другими людьми, обрела новый дом в Киеве, в большой семье.

Все знают, как мучаются собаки, когда хозяева их здесь оставляют. Советские люди, учившиеся в советской школе и смотревшие советское кино, твердо знали, как надо: Гитлер прежде, чем убить себя, отравил цианистым калием свою овчарку Блонди (еще, говорят, и ее щенок Вольфа, но про это заговорили позже). Кто-то, вероятно, предположит, что и у Гитлера была душа, и он ее не предал.

Байкальский берег. Неизвестная и бездомная лайка. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Одна любовь

И вторая история, городская, как раз о том. И не о том. Она

необъяснима. В январе 2016 года мы впервые после выпуска из школы собрались действительно всем классом: хоронили классную руководительницу, учителя-словесника Надежду Константиновну Нежданову (Мельникову). Она учила нас два года — не только наших последних в школе, всего того мира последние годы (1982–1983 и 1983–1984), внезапно взяв класс, которого все побаивались (внучка первого секретаря обкома, дети прокуроров и кагэбэшников, главврачей и диссидентствующих художников, вся эта золотая, гнилая молодежь с их дисками, джинсами, разговорами). Она была старше нас на пять лет. Через год после нашего выпуска, доучив еще один класс, ставший ей близким, она вернулась на филфак — преподавать. А умерла в 54 года — и собрала смертью нас всех.

Перед этим ей отняли ноги. Сначала одну и почти сразу — другую. Началось с незначительного. Из ее письма мне: «В первый день отпуска решила сделать генуборку. Наступила пяткой своей несчастной правой ноги на какую-то типа застешки от сережки (блин, и как она там оказалась), зеленкой прижгла — и вперед, на следующий день стало болеть, а потом пятку разнесло, ощущения как на пыточном столе инквизиции, в пятку шуруп вкручивают, а самое скверное — уже 10 дней держится температура. Короче все прелести ада в отпуске. Да еще разыгралась моя гиппократофобия...»

Потом мне скажут, что в реальности студентка уронила ей на ногу реликтовый (как многое на курганском филфаке) железный стул. Не знаю. Скажут о ее депрессии.

Как бы то ни было — дело не в этом. А в намеренно прежде не диагностированном (действительно не верила медицине и боялась врачей) диабете. Она и в последний наш разговор отказывалась признавать данность. Ее всю обкорнали, укоротили, чтоб спасти. А она обрубком жить не смогла, и когда мы подняли ее гроб, он оказался невероятно легким. А ведь все

было при ней, и она была баскетбольного роста и вообще вся грандиозная, как ее любимый Маяк (В.В. Маяковский).

Последний звонок. Выпускники 1984 года 32-й школы г. Кургана. Вторая слева — Надежда Мельникова (Нежданова). Фото: архив

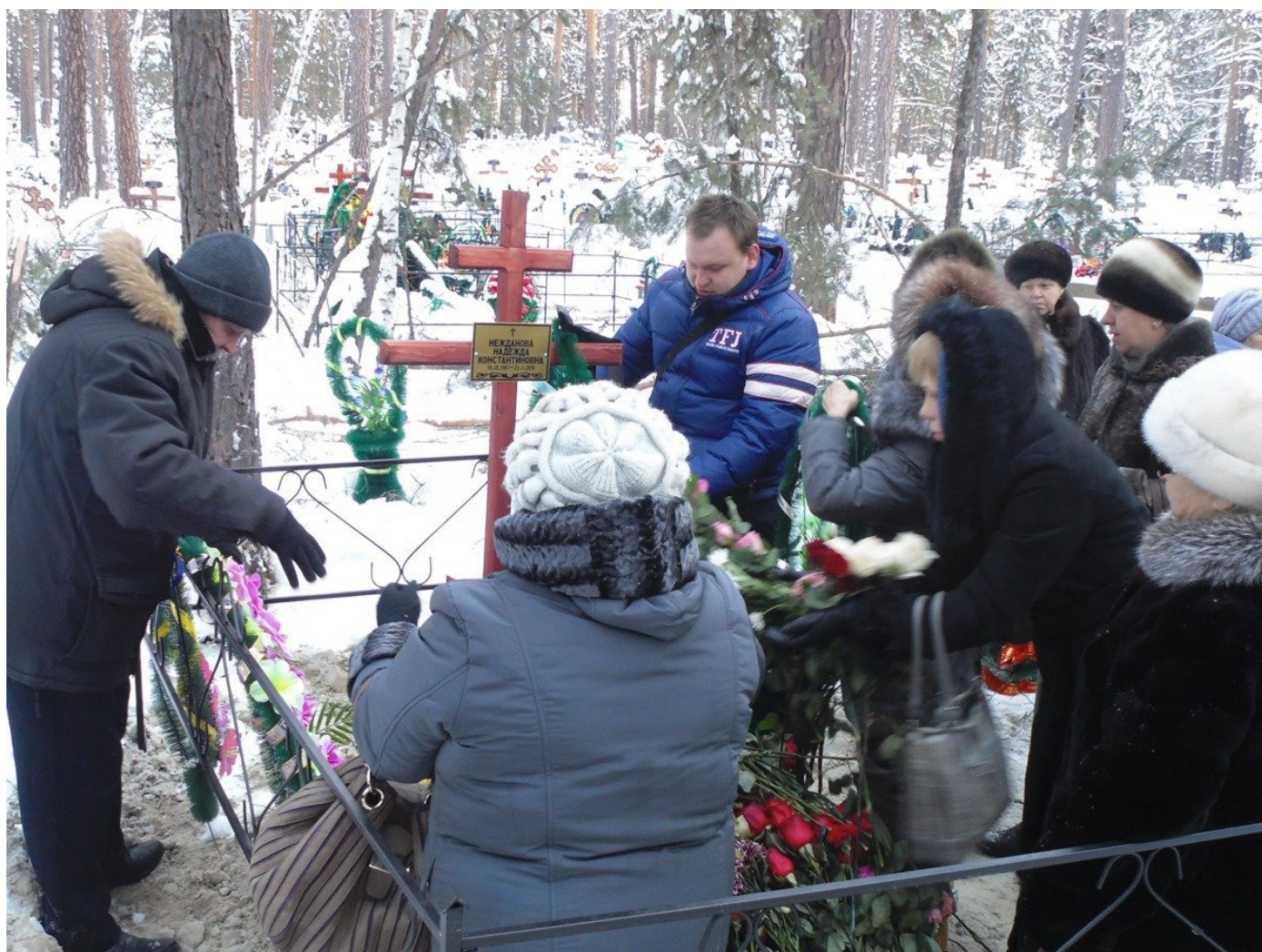
Думаю, с мертвым учителем проще, поэтому все и съехались. Она нас любила, верила в нас, она за те два года нас изменила. Будь она жива — что бы мы ей сказали спустя эти тридцать лет, чем бы отчитались в том, 2016 году, когда уже все было ясно и с нами, и с поколением, и со страной? И потом. Что можно сказать человеку без ног?

А так — неловкость была преодолена.

Несли гроб мы не сменяясь. Так и не отдав ее студентам, дипломникам, аспирантам. Нес исключительно наш класс — единственный, где она была классухой. И, может, это связано: после того, как гроб на белых полотенцах уже специальные люди опустили в могилу, специальные же тетки, рванув эти полотенца каждое на три, что ли, части, отдали нам — кто нес

покойницу. Зачем, почему? Вроде символической платы?

Позже мне скажут, что такими вопросами в нашем наполовину староверческом городе не задаются. Ну да, так принято, но в тот момент меня это вдруг озадачило. На следующий день уже ближе к вечеру — накануне мы начали поминками, а закончили бурной встречей класса (темный кабак в подвале купеческого дома позапрошлого века) — я поехал снова на кладбище, чтобы оставить это полотенце там, повязать на крест, вроде траурных лент на венках, ну а куда его еще? Прочитал в интернете, что так можно. Кто кидал в могилу вслед за гробом, кто хранил дома как память, кто повязывал в Радоницу на крест, чтоб покойник за кем-либо не вернулся. Можно было повязывать и после поминок. Следующим утром я должен был ехать домой, билет в кармане.

Похороны Н.К. Неждановой, Курган, январь 2016 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Зима, холод собачий, смеркалось рано, фиолетовые улицы, потом еще несколько верст фактически по лесу. За приоткрытыми воротами кладбища бегала небольшая собака, на меня не отреагировала, а я ее и не рассматривал.

У свежей могилы было бы совсем темно, если б не утоптаный по краям снег, ледяно отражающий тусклое небо, что в свою очередь отражало какой-то слабенький свет от земли, может, от того же снега и льда, в общем, блуждающее какое-то бесконечно слабое свечение.

На могиле среди охапок цветов лежал листок из школьной тетради по русскому, в линейку. Я его не поднимал, подумал: молитва, написанная рукой. Но взгляд в какой-то момент опустился. А там история нашего класса, тех последних двух лет — с ней. И что было дальше, после школы, про первых покойников из класса. И что еще будет. Вроде и про нее, и про нас, но с ничем не объяснимым искажением. Ну как. Про то, что эссе нам давала писать по Тютчеву, Фету и Блоку. Почему по ним? Нет, может, и по ним кто писал, но не они же у нее были в центре, не они главные. Блок — да, Блок пусть, так и было. Но не Тютчев, не Фет. Далее — про то, что она лечила нас. В прямом смысле: наложением рук, прочими разными практиками. Не помню такого. Лечила, мол, а потом хоронила...

Да, она лечила нас, заново лепила, но это были только разговоры, бдения, томления, книги, долгие прогулки в горсаду. Имена наши некоторые названы — верные.

Я быстро обернулся. Медленно бы не смог, не выдержал. Кому это написали и для чего? И кто это мог написать? Позади меня, шагах в десяти, стояла собака с человеческими глазами — но это я, понятно, уже сам себя накрутил, что я мог разглядеть-то. Собака стояла, в общем. И смотрела на меня так, точно она и не собака вовсе.

Курган, кладбище, январь 2016 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А потом метнулась в сторону, перевернулась как бы в тусклом ледяном свете от крестов и — исчезла. Я знал, что у Надежды Константиновны жил керри блю терьер Дарик (у нее и электронная почта из его имени состояла), но за девять месяцев до ее смерти он погиб. Так она написала. Без подробностей. Цитата: «Ну а потом ехали специально через Челябинск, где я в питомнике приобрела себе ушастое счастье — собачку папийона. (Дарик мой погиб в апреле, и мне было сильно плохо.) Так что у меня теперь на руках ребенок — девочка Флорис Белль Диамант от князя Громека».

Вот этих декоративных животных я не понимаю. Тогда не знал я и того (позже мне расскажут), что этого дорогущего ушастика она купила чуть не на всю губернаторскую премию, тогда ей присужденную.

А ирландские голубые терьеры — отличные псы, и мне показалось, что это был именно он. Дарик.

Нет, а откуда бы январским поздним вечером на отдаленном кладбище города Кургана взяться другому ирландскому голубому терьеру?

И как будто осенью тогда пахнуло: минус 25 было, темень, и — запах прелой листвы вдруг, растительных останков. От снега поднимался. Запах земли и корней, и коры осиновой, хотя у цветов лежал лишь окончательно задубевший небольшой ком сырой ярко-желтой глины. И такая же желтая больная луна выкатила из-за сосновой кроны.

Потребуется еще несколько лет, потребуется СВО, чтобы я выяснил, почему человек тратит деньги, полученные от этой власти, не на обследование и лечение, а на покупку собаки.

В апреле 2022 года в Абакане посадят журналиста Михаила Афанасьева, моего товарища, — «за распространение фейков»: в начале СВО он написал, как и почему отказались участвовать в спецоперации 11 росгвардейцев Хакасии. Сидит до сих пор, дали 5,5 года колонии и 2,5 года запрета на профессию — несмотря на то, что факт отказа омоновцев подтвердился (их уволили приказом от 21.03.2022 «в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника войск Нацгвардии»). Меж тем [закон](#), распространяющий ответственность по статьям УК 207.3 и 280.3 о фейках и дискредитации армии на высказывания о Росгвардии и росгвардейцах, примут только в декабре 2023-го. К тому моменту Афанасьев отсидит уже 1 год и 8 месяцев.

Естественно, я вел хронику, выяснял всех причастных к этой петле времени. И вот что выяснил. Следком формально руководствовался логикой абаканского лингвиста и психолога Ольги Якоцуц — она проводила предварительное исследование (комплексное психолого-лингвистическое — выступила и как психолог, и как лингвист, комплексно). В том числе на основе этого исследования, задокументировавшего «противоправные действия Афанасьева», уголовное дело и появилось.

До этого Якоцуц уже выступала в делах против Афанасьева и других журналистов — например, именно она писала экспертизы против псковской журналистки Светланы Прокопьевой, против защитницы хакасской культуры Лидии Баиновой. Огромная загадка все эти экспертизы: если это эксперты, то есть люди знающие, понимающие русский язык и литературу, они в принципе не могут написать ничего в пользу охраны, политического сыска, в пользу тех, кто преследует и судит за слова. Тем не менее. Когда стал искать, кто выучил такой спецфилологии и спецлингвистике эксперта Якоцуц, она же **руководитель** физкультурно-оздоровительного центра эксплуатационного локомотивного депо Абакан-2, в судебных решениях **обнаружил**, что та «прошла курсы повышения квалификации на базе АНО «Академия дополнительного образования» г. Курган по дополнительной профессиональной программе «Судебно-лингвистическая экспертиза» (удостоверение № 1443)».

Идти в разысканиях дальше боялся, Курган — родной город, я отлично понимал, что среди преподавателей могут высветиться знакомые фамилии. Или еще что.

Мне скажут: да. Она сама писала такие экспертизы. Совсем недолго — как раз перед тем как слечь и уже не подняться. (Думаю, это случилось после того, как погиб Дарик. Душа он был или нет, но думаю, было так.)

Ее снедала печаль. Безденежье, не востребованность, упадок всеобщий, весь этот курганский фон. Она принимала экзамены вступительные у будущих инженеров (их набор все увеличивали), и ее удручал уровень их подготовки.

Я не видел ее экспертизы и видеть не хочу. Я уверен, что они честные и не в пользу обвинителей.

Близкий к Надежде Константиновне человек сказал: ненавижу собак. Если бы она вместо этой Флорис Белль Диамант, этого утешения, потратила деньги на обследование, все, все могло быть иным! Такова «роль собаки в жизни»! И в смерти.

А я понимаю, почему собака, а не врачи.

И вот эти глаза из кладбищенской темноты, смотрящие на тебя.

Собаки, возможно, и душа. Или больше — выжимка из нее, любовь одна. Доверие, верность, безоглядность. Смотри, конечно, чья душа. Но факт — мы так сильно связаны с ними, что и представить не можем.

У нас, к сведению депутатов, до сих пор все дети в школе читают «Муму». А Герасим, утопив Муму (душу), как известно, от барыни ушел и порвал вообще все связи с жизнью, какой она у него была до того. Кстати говоря, и барыня вскоре умерла. «А наследникам ее было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку».

Депутатам помимо пояснительной записки к законопроекту хорошо бы перечитать: «...деревня, из которой барыня его взяла,

лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нем с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...»

Этот текст вышел во [втором](#) номере журнала «Новое обозрение».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[SONYA 3243](#)

Как журналистка «Новой» и бездомная собака встретились в Ереване. История о неупущенной возможности взаимной любви

16:57, 12 апреля 2025, Анна Артемьева

[«Писем пишут все больше, их география расширяется»](#)

Как безусловные рефлексy и конкретика мышления побеждают зло. Продолжаем разговор с политэком Михаилом Афанасьевым о тюрьме и воле

10:00, 13 ноября 2024, Алексей Тарасов

Звериные законы

О «желании отдельных лиц устроить в масштабах страны живодерню»

12:47, 31 марта 2025, Антон Орехъ